

Прогрессъ и преображеніе.*)

Сто лѣтъ назадъ догоралъ костеръ европейскаго пожара и тогда начала существовать Московская Духовная Академія. Зареву новаго, еще болѣе ужаснаго, европейскаго пожара освѣщаетъ ея столѣтній юбилей. Противъ кого воевала наша Россія тогда, сто лѣтъ назадъ? Противъ Франціи, противъ «просвѣщенной» передовой Франціи. Тогда нашимъ врагомъ была страна, только что пережившая вѣкъ просвѣщенія, Вольтера, революцію, страна, провозгласившая великіе принципы свободы, равенства и братства, и изобрѣтшая гильотину для проведенія въ жизнь этихъ высокихъ принциповъ. Теперь мы воюемъ съ Германіей. Но не Германія ли за послѣднее время идетъ во главѣ европейской культуры и прогресса? Несомнѣнно она. По пути прогресса она безспорно далеко опередила всѣхъ. Русскій человѣкъ въ Германіи невольно изумляется тому, какъ много можно сдѣлать для удобства жизни земной. Въ сознаніи невольно мелькаетъ мысль: «какъ далеко мы отстали!». Я самъ испыталъ это, проѣзжая Германію отъ Торна до Кельна и Аахена. «Во всемъ, касающемся земнаго устроенія, Германія занимаетъ первое мѣсто, играетъ роль *школы* цивилизаціи, ей принадлежитъ сейчасъ культурная гегемонія, ибо вся современная фабрично-капиталистическая и научно-идеалистическая культура, до извѣстной степени, «made in Germany», носить на себѣ печать германскаго духа»¹⁾.

*1) Вступительная лекція рѣчь, сказанная въ академической аудиторіи 3-го сентября 1914 года.

¹⁾ Проф. С. Н. Булгаковъ. Три идеи. Русская Мысль. 1913, февраль, стр. 146.

Что же это за судьба Россіи вести войны противъ передовыхъ и культурнѣйшихъ человѣческихъ обществъ? Что такое мы, русскіе,—разрушители или спасители европейской культуры? Я думаю, что нашъ разладъ, наше противорѣчіе съ Европой лежитъ глубже наблюдаемой поверхности текущихъ событій; противорѣчіе касается идейныхъ основъ самаго жизнепониманія.

Тѣ культурные успѣхи, которыхъ достигли наши просвѣщенные противники, конечно, возможны только при томъ условіи, если на достиженіе этихъ успѣховъ обращена наибольшая доля народнаго вниманія. Культурный прогрессъ для своего процвѣтанія непремѣнно требуетъ полнаго предъ нимъ рабства со стороны человѣческаго общества. Культурный прогрессъ достигается скорѣе тѣми, для кого онъ сталъ своего рода идоломъ. И то, конечно, несомнѣнно, что для европейскаго сознанія прогрессъ уже давно сдѣлался не идеаломъ только, но именно идоломъ. Вѣдь, слова: «культура», «прогрессъ» и имъ подобныя современнымъ европейцемъ и нашими западниками произносятся прямо съ какимъ-то благоговѣніемъ; для нихъ это—слова священныя. Каждое слово противъ цѣнности культуры готовы объявить кощунствомъ. Еретику, сомнѣвающемуся въ цѣнности прогресса или совсѣмъ этой цѣнности не признающему, грозитъ побіеніе всякимъ дреколѣмъ.

Но не трудно показать, что прогрессъ и идейно, и практически неразрывно связанъ съ войной и съ нѣкотораго рода необходимостью изъ него вытекають даже жестокости и звѣрства нѣмцевъ, о которыхъ мы читаемъ теперь въ газетахъ. Вѣдь, идея прогресса есть приспособленіе къ человѣческой жизни общаго принципа эволюціи, а эволюціонная теорія есть узаконеніе борьбы за существованіе. Въ борьбѣ за существованіе погибають слабѣйшіе и выживаютъ наиболѣе къ ней приспособленные. Перенесите борьбу за существованіе во взаимныя отношенія цѣлыхъ народовъ,—вы получите войну и поймете смыслъ желѣзнаго германскаго кулака. Война есть международная борьба за существованіе, а вооруженный кулакъ—наилучшее къ этой борьбѣ приспособленіе. Но послѣднее слово эволюціи сказано, вѣдь, Ницше. Онъ указалъ цѣль дальнѣйшему развитію. Эта цѣль—сверхчеловѣкъ. По трупамъ слабыхъ восходитъ на свою высоту

сверхчеловѣкъ. Онъ жестокъ и безжалостенъ. Христіанство съ его кротостью, смиреніемъ, прощеніемъ и милосердіемъ для Ницше отвратительно. Сверхчеловѣкъ долженъ навсегда порвать съ христіанскими добродѣтелями; для него онъ—порокъ и погибель. У Горькаго Игнатъ Гордѣевъ поучаетъ въ ницшеанскомъ духѣ своего сына Θому, какъ относиться къ людямъ: «Туть... такое дѣло: упали, скажемъ, двѣ доски въ грязь — одна гнилая, а другая—хорошая, здоровая доска. Что ты тутъ долженъ сдѣлать? Въ гнилой доскѣ—какой прокъ? Ты оставь ее, пускай въ грязи лежитъ, по ней пройти можно, чтобы ногъ не замарать» («Θома Гордѣевъ»). Перенесите вы эти слова въ политику, и вы получите политику Германіи. Вѣдь, развѣ не ищетъ Германія, какой бы народъ затоптать въ грязь, по которому пройти бы можно, «чтобы ногъ не замарать»? Германская политика, можно сказать, проникнута духомъ ницшеанства. «Deutschland, Deutschland über alles!»—вотъ припѣвъ германскаго патріотизма. Слабые народы это—доски, по которымъ, не марая ногъ, идетъ впередъ по пути прогресса великій германскій народъ. Даже на большіе народы, даже на русскій народъ германцы готовы сморгнѣть, какъ на навозъ для удобренія той почвы, на которой долженъ расти и процвѣтать германскій культурный прогрессъ. Для прогресса нужны богатства,—такъ подайте ихъ намъ! Разоритесь сами и хоть съ голоду помрете, но да здравствуетъ нашъ германскій прогрессъ! Смотрите, какая политическая дружба у просвѣщенной Германіи ужъ съ несомнѣнными варьарами—турками! «Возстановившимъ истинное христіанство» протестантамъ магометане, оказывается, несравненно милѣе православныхъ христіанъ. Почему? Да потому, что тѣ ужъ не протестуютъ противъ грабительства нѣмцевъ и покорно готовы стать народомъ - навозомъ. Въ прошломъ году воевали на Балканахъ. Какое бы, казалось, дѣло нѣмцамъ! Но когда особенно сильно замахали нѣмцы мечемъ? Когда сербы подошли къ Адриатическому морю. Маленькій народъ получалъ возможность вести свою торговлю и стать независимымъ отъ нѣмцевъ экономически. Этого прогрессивная нѣмецкая нація снести не могла. Нѣмецкое бряцаніе мечемъ въ этомъ случаѣ можно передать словами: «Не смѣть!» Вы должны работать, а обогащаться можемъ только мы, по-

тому что это необходимо для культурнаго процвѣтанія нашей подлинно-просвѣщенной страны». И вотъ теперь запылала Европа, подоженная нѣмцами!

Такъ открывается неразрывная и существенная связь прогресса съ войной и жестокостью. Желѣзо и мечъ прокладываютъ человѣчеству дорогу впередъ. Колесница прогресса ѣдетъ по трупамъ и оставляетъ позади себя кровавый слѣдъ.

Война это—лучшій показатель внутренняго существа культурнаго прогресса и въ этомъ внутреннемъ существѣ прогресса открывается ужасная трагедія. Что въ самомъ дѣлѣ прогрессируетъ быстрѣе всего? Несравненно быстрѣе культурныхъ удобствъ жизни прогрессируютъ орудія войны, т. е. орудія уничтоженія и человѣческой культуры, и самой человѣческой жизни. Броненосецъ старѣетъ гораздо скорѣе человѣка: имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, броненосецъ ужъ негодный старикъ. Такъ быстро идетъ совершенствованіе орудій смерти! Десять лѣтъ назадъ мы еще не знали слова «аэропланъ», а теперь уже читаемъ о войнѣ въ воздухѣ. Жизнь еще не получила пользы отъ аэроплановъ, а смерть безъ нихъ ужъ не можетъ обойтись на кровавыхъ поляхъ брани. Страшно вообразить себѣ современную войну съ ея ужасными орудіями и громадными снарядами, съ минами и фугасами, съ бомбами и шрапнелями, съ волчьими ямами и проволочными загражденіями. Вѣдь это же какой-то адъ и безуміе! Войны недавно прошлаго столѣтія порою кажутся дѣтскими забавами. Это—прогрессъ! Поэтому и можемъ мы сказать, что *война это—самопроклятіе прогресса!*

Но русскій геній выноситъ суровый приговоръ европейской цивилизаціи и прогрессу со своей особенной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія своего идеала, существенно отличнаго отъ европейскаго идеала прогресса. Въ турецкую войну Достоевскій писалъ въ своемъ «дневникѣ»: «Между привезенными въ Москву славянскими дѣтьми есть одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ восьми или девяти, которая часто падаетъ въ обморокъ и за которою особенно ухаживаютъ. Падаетъ она въ обморокъ отъ воспоминанія: она сама, своими глазами, видѣла нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ съ отца ея сдирали черкесы кожу и—содрали всю. Это воспоминаніе при ней неотступно и, вѣроятно же всего, останется навсегда, можетъ быть, съ годами въ смягченномъ видѣ, хотя, впрочемъ, не

знаю, можетъ ли тутъ быть смягченный видъ. О, цивилизація! О, Европа, которая столь пострадаетъ въ своихъ интересахъ, если серьезно запретить туркамъ сдирать кожу съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей! Эти, столь высшіе интересы европейской цивилизаціи, конечно,—торговля, мореплаваніе, рынки, фабрики—что можетъ быть выше въ глазахъ Европы? Это такіе интересы, до которыхъ и дотронуться даже не позволено не только пальцемъ, но даже мыслью, по... но «да будутъ они прокляты, эти интересы европейской цивилизаціи!» Я за честь считаю присоединиться къ этому восклицанію; да, да будутъ прокляты эти интересы цивилизаціи, и даже самая цивилизація, если, для сохраненія ея, необходимо сдирать съ людей кожу. Но однакоже это фактъ: для сохраненія ея необходимо сдирать съ людей кожу!»¹⁾ Вотъ съ чѣмъ не можетъ примириться русская совѣсть! Кожа человѣка, хотя бы и маленькаго и ничтожнаго, для русской совѣсти дороже самыхъ грандіозныхъ успѣховъ прогресса. Видитъ русская совѣсть, что для успѣха цивилизаціи необходимо сдирать съ людей кожу,—и не можетъ успокоиться никакими рѣчами о культурѣ и прогрессѣ. Это потому, конечно, что русская совѣсть имѣетъ свой идеаль, существенно отличный отъ европейскаго идола прогресса.

Гдѣ же и въ чемъ этотъ идеаль? вмѣстѣ со старыми славянофилами мы можемъ утверждать, что духъ славянства опредѣляется православіемъ. Жизненный идеаль славянства есть религіозный идеаль православія.

Но въ чемъ религіозный идеаль православія? *Идеаль православія есть не прогрессъ, но преображеніе.* О преображеніи человѣческаго естества говоритъ Новый Заветъ. О новомъ рожденіи говорилъ Христосъ Никодиму. По слову ап. Павла, кто во Христѣ, тотъ новая тварь (2 Кор. 5, 17). Люди должны носить образъ Адама небснаго (1 Кор. 15, 49). Отъ славы въ славу преобразуются они отъ Духа Господня (2 Кор. 3, 18). Происходитъ облеченіе въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины (Еф. 4, 24). «Будетъ новое небо и новая земля!»—говорилъ Господь устами древняго пророка (Исаія 65, 17). Новаго неба и новой

¹⁾ Дневникъ писателя за 1877 г. Собраніе сочиненій, изд. 4. т. 11. СПб. 1891, стр. 45—46.

земли христіане ожидаютъ по слову ап. Петра (2 Петр. 3, 13). А пророкъ Новаго Завѣта говоритъ: «увидѣлъ я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали. И я, Іоаннъ, увидѣлъ святой городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа своего. И услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій: се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ; и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ. И отреть Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ; ибо прежнее прошло» (Апок. 21, 1—4). Процессъ преображенія человѣческаго естества и твари земной будетъ развиваться неизмѣнно и неуклонно, пока не скажетъ Сидящій на престолѣ: «се, творю все новое! Совершилось! Я есмь Алфа и Омега» (Апок. 21, 5—6). Нѣкогда все покорится Сыну, и тогда Самъ Сынъ покорится покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ (1 Кор. 15, 28). Новый Завѣтъ не знаетъ прогресса въ европейскомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ движенія впередъ въ одной и той же плоскости. Новый Завѣтъ говоритъ о преображеніи естества и о движеніи вслѣдствіе этого не впередъ, а вверхъ, къ небу, къ Богу. Въ своемъ краткомъ итогѣ Новый Завѣтъ гласитъ: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Мѣ. 5, 48).

Идеаломъ преображенія жило древнее христіанство. Прочтите христіанскія писанія первыхъ двухъ вѣковъ,—и вы увидите, какъ проникнуты они этой идеей новаго человѣка. «Мы новый народъ!»—смѣло говорятъ христіане даже предъ лицомъ языческаго міра. Христіанинъ—новый, какъ бы только что родившійся человѣкъ ¹⁾. Христіанство, по мысли св. Игнатія Богоносца, есть *οἰκονομία εἰς τὸν καιρὸν ἀνθρώπων* ²⁾. Христіане возносятся на высоту орудіемъ Іисуса Христа, которое есть крестъ, пользуясь вервю—Духомъ Святымъ. Вѣра ихъ возводитъ, а любовь есть путь, которымъ они восходятъ. Поэтому христіане все—Богоносцы и храмоносцы, христоносцы, святоносцы ³⁾. Такъ повсюду эта идея

¹⁾ Посланіе къ Діогнету, гл. 2.

²⁾ Посл. къ Ефес. гл. 20,

³⁾ Къ Ефес. гл. 9, 1—2.

новаго человѣка, не прогрессивнаго, а новаго; всюду идеаль внутренняго преображенія, а не внѣшняго прогресса.

Въ періодъ расцвѣта богословской церковной мысли въ церковномъ богословіи существенное значеніе получаетъ идея обоженія, которую вы найдете у всѣхъ величайшихъ богослововъ Церкви, начиная съ IV вѣка. Эта идея опять ставитъ предъ христіанскимъ сознаниемъ какъ цѣль преображеніе, а не прогрессъ.

Наконецъ, идея обоженія и преображенія навсегда утвердилась въ церковномъ богослуженіи. Наше богослуженіе— не слащаво-сентиментальное завываніе самодовольнаго буржуа-протестанта въ своей кирхѣ, не бояливая просьба несчастнаго католика о пощадѣ и помилованіи,—наше богослуженіе—гимнъ человѣка изъ тьмы и сѣни смертной, изъ глубокой бездны грѣховной порывающагося къ святости, къ чистотѣ, къ Богу и къ небу, на гору преображенія. Православная Церковь поетъ: «Во всего Адама облекся, Христе, очернѣвшее измѣнивъ, просвѣтилъ еси древле естество, и измѣненіемъ зрака Твоего богосодѣлалъ еси» ¹⁾. Въ воплощеніи Сына Божія усматриваетъ Церковь основу и залогъ преображенія и всего естества человѣческаго, а потому и приглашаетъ своихъ чадъ: «Востаните лѣннiviи, иже всегда низу поникшии въ землю, возмитесь и возвыситесь на высоту божественнаго восхожденія» ²⁾.

Итакъ, идеаль православія есть преображеніе, а не прогрессъ. Не въ матеріальномъ хотя бы и самомъ блестящемъ, прогрессѣ усматриваетъ свое спасеніе православное сознание, но съ Ареопагитомъ исповѣдуетъ, что «спасеніе не иначе можетъ быть совершено, какъ чрезъ обоженіе спасаемыхъ. Обоженіе же есть уподобленіе, по мѣрѣ возможности, Богу и единеніе съ Нимъ» ³⁾.

При ихъ проведеніи въ жизнь идеалы прогресса и преображенія, конечно, оказываются весьма различными. Ихъ различіе и даже порою полная противоположность обнаруживается въ культѣ. Въ культѣ, говорю, потому что и эволюціонно-позитивное міровоззрѣніе европейскихъ народовъ пы-

1) На Преображеніе Господне канона Космы пѣснь 3, троп. 1.

2) Икосъ на Преображеніе.

3) О небесной іерархіи. I. 3.

тается порою создавать свой собственный культъ. Европейецъ преклонялъ колѣна предъ богиней разума, потомъ предъ челоуѣчествомъ, вписывалъ въ свои святцы имена великихъ людей. Въ Парижѣ нѣкогда христіанскій храмъ былъ обращенъ въ Пантеонъ, гдѣ и теперь въ довольно таки неприглядномъ и запущенномъ подземельѣ хранится давно истлѣвшій прахъ Руссо, Вольтера и разныхъ дѣятелей «великой» Французской революціи. По всѣмъ нѣмецкимъ городамъ едва не на каждомъ перекресткѣ то просто стоятъ, то сидятъ на конѣ фигуры Фридриховъ, Вильгельмовъ или Бисмарка. Все это—прегордые фараоны прогресса, славные завоеватели, творцы великихъ культурныхъ событій. Но загляните въ православные церковные святцы. Тамъ тоже увидите великихъ и прославляемыхъ. Но кто изображенъ на тѣхъ иконахъ, вокругъ которыхъ мы совершаемъ каждое, предъ которыми мы поемъ величаніе и которыя мы, сотворивъ земное поклоненіе, благоговѣнно лобызаетъ? Здѣсь изображены преимущественно отшельники, пустынники. Они не только не были дѣятелями прогресса, но почти всегда принципиально его отрицали. За то они, живя на землѣ, преображались, часто сіяли еврейскимъ свѣтомъ и на молитвѣ возносились отъ земли на воздухъ. Церковь остается вѣрна своему идеалу преображенія, и въ вѣкъ пара, электричества и авіаціи канонизуетъ смиренныхъ и некультурныхъ подвижниковъ. За послѣднее время и у насъ навязываются народу разные монументы. Плохо понятны они народу, потому что православное сознаніе понимаетъ одинъ памятникъ—храмъ, посвященный имени святаго, а не великаго только.

Я уже сказалъ, что идеаломъ православія опредѣляется духъ славянства, въ частности духъ великаго народа русскаго. Воспитанный главнымъ образомъ православной Церковью, русскій народъ въ своемъ сознаніи всегда носитъ высокій идеалъ преображенія и при свѣтѣ этого идеала западно-европейскій идеалъ прогресса кажется чѣмъ-то низкимъ, а иногда даже противнымъ. Вотъ почему при всемъ своемъ смиреніи русскій народъ всегда относится къ европейцу свысока. Предъ Западомъ готова вѣдь раболѣпно премыкаться только оторвавшаяся отъ народа интеллигенція. У русскаго же народа всегда нѣсколько скептическое отно-

шеніе къ западно-европейскому прогрессу. Ему ясно и понятно, что за чечевичную похлебку культурной жизни европеецъ продалъ невозвратно права божественнаго первородства. Нѣмецъ душу черту продалъ, а русскій такъ отдалъ и въ этомъ несомнѣнное превосходство русскаго, потому что онъ такъ же и уйти отъ черта можетъ, а нѣмцу выкупиться нечѣмъ.

Вся культурная и политическая дѣятельность русскому кажется только подѣломъ, на которое грѣшно отдать свою душу цѣликомъ. Интересы преображенія для него несравненно выше интересовъ прогресса. Даже Пушкинъ однажды слагаетъ такіе стихи:

Недорого цѣню я громкія права,
 Отъ коихъ не одна кружится голова.
 Я не ропщу о томъ, что отказали боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
 Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
 И мало горя мнѣ—свободно ли печать
 Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
 Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
 Все это, видите ль, слова, слова, слова!..
 Иная, лучшія мнѣ дороги права;
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 Зависть отъ властей, зависть отъ народа—
 Не все ли намъ равно?.. Богъ съ ними!
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И передъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
 Вотъ счастье! Вотъ права!

Совершенно наоборотъ, европеецъ очень высоко цѣнитъ всякія громкія права, касающіяся жизни земной. Восторги же умиленья для него—излишняя роскошь; мало у него тоски по надзвѣзднымъ мірамъ. Отсюда дешевый душевный покой европейца и его поразительное самодовольство. Русскому это самодовольство противно. Не напрасно даже такой западникъ, какъ Герценъ, назвалъ его мѣщанствомъ, а нашъ византіецъ Константинъ Леонтьевъ не могъ объ этомъ мѣщанствѣ говорить безъ отвращенія.

Русскій не можетъ стать европейцемъ, ограниченнымъ и самодовольнымъ, потому что «русскому, по словамъ Достоевскаго, необходимо всемірное счастье, чтобъ успокоиться; де-

шевле онъ не примирится» ¹⁾. Отбившись отъ народной вѣры и жизни—что стало случаться послѣ Петровскаго окна въ Европу—, русскій дѣлается скитальцемъ. Этотъ типъ скитальца, по толкованію Достоевскаго, впервые въ литературѣ указалъ Пушкинъ, у котораго Алеко бѣжитъ къ цыганамъ. Такими искателями и скитальцами полна русская литература до послѣднихъ дней. Но еще у Пушкина полудикій цыганъ поучаетъ европейца:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!

Ты для себя лишь хочешь воли.

Ты золь и смѣль—оставь же насъ.

Это поученіе цыгана раскрываетъ въ своей пушкинской рѣчи Достоевскій. «Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудиись на родной нивѣ. Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его» ²⁾.

Чѣмъ дальше отъ народа и православія, тѣмъ больше у насъ скитаній и блужданій. Много въ богоискательствѣ послѣднихъ лѣтъ уродливаго, но и богоискательство—все же признакъ того, что не спокойно на душѣ у русскаго человѣка, нѣтъ европейскаго самодовольства. Народъ же ищетъ праведной земли и рѣзко протестуетъ противъ того, что этой земли не показано на картѣ ученыхъ. Безъ надежды на возможность преображенія печальной и грѣховной дѣйствительности для русскаго нѣтъ смысла въ жизни. У Горькаго Лука («На днѣ». Актъ третій.) рассказываетъ: «Былъ примѣрно такой случай: зналъ я одного человѣка, который въ праведную землю вѣрилъ... Должна, говорилъ, быть на свѣтѣ пра-

¹⁾ Пушкинская рѣчь. Дневникъ писателя за 1880 г. Сочиненій т. 11, стр. 436.

²⁾ Тамъ же, стр. 437—438.

ведная земля... въ той, дескать, землѣ,—особые люди насе-
 ляють... хорошіе люди! другъ дружкѣ они уважають, другъ
 дружкѣ—за всяко-просто—помогаютъ... и все у нихъ славно—хорошо! И вотъ человѣкъ все собирался итти... праведную эту землю искать. Былъ онъ—бѣдный, жилъ—плохо... и когда приходилось ему такъ ужъ трудно, что хотъ ложись, да помирай—духа онъ не терялъ, а все, бывало, усмѣхался только да высказывалъ: ничего! потерплю! Еще нѣсколько пожду, а потомъ—брошу всю эту жизнь и—уйду въ праведную землю... Одна у него радость была—земля эта... И вотъ въ это мѣсто—въ Сибири дѣло-то было,—прислали ссыльнаго, ученаго... съ книгами, съ планами онъ, ученый-то, и со всякими штукаами... Человѣкъ и говоритъ ученому: покажи ты мнѣ, сдѣлай милость, гдѣ лежитъ праведная земля и какъ туда дорога? Сейчасъ это ученый книги раскрылъ, планы разложилъ... глядѣлъ-глядѣлъ—нѣтъ нигдѣ праведной земли! Все вѣрно, всѣ земли показаны, а праведной—нѣтъ! Человѣкъ—не вѣритъ... Должна, говоритъ, быть... ищи лучше... А то, говоритъ, книги и планы твои—ни къ чему, если праведной земли нѣтъ... Ученый въ обиду. Мои, говоритъ, планы самые вѣрные, а праведной земли вовсе нигдѣ нѣтъ. Ну, тутъ и человѣкъ разсердился—какъ такъ? Жилъ-жилъ, терпѣлъ-терпѣлъ, и все вѣрилъ—есть! а по планамъ выходитъ—нѣту! Грабежъ!.. И говоритъ онъ ученому: ахъ, ты... сволочь эдакой! Подлецъ ты, а не ученый... да въ ухо ему—разъ! Да еще!.. А послѣ того пошелъ домой и—удавился!»

По этому представленію и наука должна служить не прогрессу, но преображенію; должна она показывать путь въ праведную землю. И на самомъ дѣлѣ, русская философія—философія религіозная. Европейцы невольнo изумляются тому, что наша литература неизмѣнно живетъ интересами религіозными. У насъ великій художникъ слова начинается вечерами на хуторѣ близъ Диканьки», а оканчиваетъ «размышленіемъ о Божественной литургіи». вмѣстѣ съ тѣмъ для нашей литературы высшая цѣнность—душа человѣка, а не внѣшнее его положеніе въ водоворотѣ культурной работы. Русскій писатель вѣритъ въ осуществимость идеала преображенія, въ торжество добра и правды, почему и нѣтъ для него погибшихъ, нѣтъ для него гнилыхъ досокъ, кото-

рѣя только затѣмъ и существуютъ, чтобы по нимъ ходили черезъ грязь, не марая ногъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Такъ писалъ Пушкинъ, а Достоевскій повелъ насъ въ «мертвый домъ» и заставилъ плакать отъ умиленія предъ красотой даже преступной души, показалъ намъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» и увидѣли мы богатство ихъ души; у него убійца и блудница читаютъ о воскрешеніи Лазаря: онъ потрясаетъ насъ образами Сони Мармеладовой въ «Преступленіи и наказаніи», Грушеньки въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Настасьи Филипповны въ «Идиотѣ». У него «преступленіе» обращается въ «исторію постепеннаго обновленія человѣка, исторію постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой» («Преступленіе и наказаніе», конецъ). Даже невѣрующій, какъ раціоналистъ, въ Христово воскресеніе, какъ художникъ, Толстой пишетъ о нравственномъ «воскресеніи» человѣка. Всюду мы видимъ стремленіе къ преображенію и вѣру въ его возможность. «*Всеобщее исцѣленіе во всеобщемъ преображеніи*—въ разныхъ видоизмѣненіяхъ мы находимъ эту мысль у великихъ нашихъ художниковъ, у Гоголя, Достоевскаго, даже хотя и въ искаженномъ, раціонализированномъ видѣ—у Толстого, а изъ мыслителей—у славянофиловъ, у Федорова, у Соловьѣва и у многихъ продолжателей послѣдняго»¹⁾. У насъ въ 1914 году въ Москвѣ русскій князь и профессоръ университета въ многолюдномъ собраніи читаетъ о «свѣтѣ ѳаворскомъ и о преображеніи ума». У насъ и легкомысленный и далеко не безгрѣшный поэтъ въ дивные стихи облакаетъ покаянную молитву преп. Ефрема Сирина и признается:

Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И падшаго свѣжить невѣдомою силой.

Почему такъ? Да потому, конечно, что русской душѣ всегда понятна, близка и дорога цѣль всѣхъ сирійскихъ и еги-

¹⁾ Кн. Е. Н. Трубецкой. Свѣтъ ѳаворскій и преображеніе ума. Русская Мысль. 1914. май, стр. 27.

петскихъ аскетовъ-подвижниковъ; эта цѣль—**«сердцемъ возлетать во области заочны».**

Но на этомъ пути «во области заочны» лежитъ постоянное и не легкое препятствіе.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ—
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.

Грѣхъ—вотъ самый главный врагъ преображенія. Откуда у носителя идеала преображенія особое религиозное ощущение грѣха. Религиозное ощущение грѣха есть душевная мука и страданіе. Это та мука душевной раздвоенности, которую такъ ярко описалъ ап. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ. Въ воспріятіи и переживаніи грѣха и сказывается особенно ярко духовное превосходство русскаго предъ европейцемъ. Европейецъ, можно сказать, утерять религиозное ощущение грѣха; оно кажется ему устарѣлымъ средневѣковымъ предразсудкомъ. Вотъ почему грѣхъ пересталъ быть для него ужасомъ и мукой душевной. Грѣхъ обратился для европейца въ веселый анекдотъ. Описывая грѣхъ, европейецъ смѣется, а иногда и самый грѣхъ облакаетъ въ столь эстетически-прекрасныя одежды, что грѣхъ начинаетъ быть привлекательнымъ. Конечно, грѣшать и въ Россіи, какъ и въ Европѣ, не мало, но каются по разному. Западъ знаетъ «холодное невѣріе». Русскій, по словамъ Герцена, потерявъ вѣру, тотчасъ увѣруетъ въ невѣріе и станетъ его самоотверженнымъ апостоломъ. Въ Европѣ Ренанъ, Штраусъ и Древеръ пишутъ хулы на Христа легко, свободно и красиво, и какъ ни въ чемъ не бывало доживаютъ свой вѣкъ спокойными буржуа. Тамъ во время публичныхъ диспутовъ на эстрадѣ рѣшаютъ вопросъ объ историческомъ существованіи Христа, а сами въ это время кушаютъ бутерброды и пьютъ пиво ¹⁾. Европейскій Іуда, предавъ Христа, спокойно прячетъ сребренники въ карманъ и обращаетъ ихъ потомъ въ доходную ренту. Русскій же Іуда, предавъ Христа, бросаетъ сребренники и безпокойнымъ взоромъ ищетъ дерева, чтобы удавиться. Невѣріе для русскаго есть ужасъ и душевный надрывъ. У До-

¹⁾ См. *свящ. Н. Сахаровъ*. Союзъ монаховъ и борьба съ нимъ въ Германіи. Богословскій Вѣстникъ. 1911, т. 3, стр. 717.

стоевскаго даже каторжники кричатъ Раскольникову: «Ты—безбожникъ! Ты въ Бога не вѣруешь! Убить тебя надо!»

При этомъ одинъ каторжный бросился бью на него въ рѣшительномъ изступленіи ¹⁾).

А какъ наши писатели изображаютъ пороки и преступленіе! Я затрудняюсь назвать изъ русскихъ писателей кого-нибудь, кто изображалъ бы пороки въ привлекательномъ свѣтѣ. Порочные люди въ изображеніи нашихъ писателей до самыхъ новѣйшихъ, до Куприна и Арцыбашева включительно,—люди несчастные, страдающіе; они ощущаютъ настоящій адъ въ своей душѣ. Грѣховное человѣчество въ изображеніи нашихъ писателей лютей страждетъ и злѣ бѣснуется, ввергается многожды въ огонь и въ воду. Для нашихъ писателей грѣхъ есть «тьма», «бездна», «яма» и «у послѣдней черты», по ихъ представленію,—страданіе, ужасъ и отчаяніе. Для русской души нѣтъ счастья и радости во грѣхѣ; она страдаетъ отъ грѣха, потому что стремится къ преображенію, а грѣхъ мѣшаетъ не прогрессу, но преображенію. Веселыя пѣсни земли, восторженные гимны прогрессу не могутъ замѣнить для русской души прекрасныхъ звуковъ небесъ; знаетъ и понимаетъ она, что небесная пѣсня не слагается изъ грохота машинъ и треска орудій и что ноты этой пѣсни не въ чертежахъ и смѣтахъ инженеровъ.

Итакъ, если идеаль Запада—прогрессъ, то русскій народный идеаль—преображеніе. Русскій народъ стремится къ городу, котораго строитель и художникъ—Богъ (Евр. 11, 10). и можетъ сказать съ Апостоломъ: вышній Иерусалимъ свободенъ; онъ—матерь всѣмъ намъ (Гал. 4, 26).

Развертывающаяся предъ нами великая борьба народовъ есть борьба двухъ идеаловъ: прогрессъ хочетъ уничтожить преображеніе, забывая слово Христа о томъ, что врата ада не одолѣютъ истины.

Въ исторіи Московской Духовной Академіи мы стоимъ на грани двухъ столѣтій и намъ весьма полезно, хотя бы подъ давленіемъ грандіозныхъ событій, напомнить себѣ религіозный идеаль православія и жизненный идеаль русскаго народа. Намъ нѣтъ особенной нужды подчитывать, что сдѣлала наша родная духовная школа для матеріальнаго про-

¹⁾ Сочиненій т. 5. Спб. 1894, стр. 541.

гресса. Лучше подумать о томъ, что она сдѣлала для духовнаго преображенія нашего родного православнаго народа. А вступая во второе столѣтїе родной и дорогой Академіи, будемъ каждый имѣть въ качествѣ руководящаго свѣточа нашъ русскій идеаль преображенія, чтобы, когда придетъ время трудиться на нивѣ народной, не подавать жесткаго европейскаго камня тому, кто проситъ настоящаго русскаго хлѣба.

Архимандритъ Иларіонъ.
